

Качество: честность

МОЙ ТАНЕЦ

Елена Дубровская

– Мама, это самая красивая музыка на свете!

– Хочешь сочинять такую музыку?

– Я хочу танцевать такую музыку.

Валентина Андреевна вместе с восхищённой Глафирой вышли из Государственного театра оперы и балета Удмуртской республики. Они только что смотрели «Лебединое озеро», и вот уже в который раз маленькая Глаша удивила своими размышлениями маму.

– Вот Чайковский родился у нас, а его во всём мире знают.

– Его не просто знают во всём мире, его любят.

– Значит не важно, где ты родился?

– Важно, – Валентина Андреевна остановилась и повернула маленькую Глафиру лицом к огромному пруду, на зеркальной поверхности которого отражались огни города, – разве его музыка звучала бы так, если бы он с детства не слушал песни крестьян, не видел красоту лесов? Если хочешь красиво танцевать, научись сначала видеть красоту вокруг себя, а потом научись её создавать.

В свои пять лет маленькая Глаша заставила всю семью уже два раза съездить в Воткинск, на родину маленького Пети, она знала все его симфонии и оперы, а вечерами перед большим бабушкиным зеркалом самозабвенно танцевала свой любимый балет «Щелкунчик». И не было никаких сомнений, что Глафире надо поступать в балетную школу. Именно там и произошла эта встреча, повлекшая за собой события, которые, если они случаются в жизни человека, никогда не оставляют его прежним.

Полина была на год младше Глафиры. Ей только что исполнилось четыре года, и родители привели её в студию балета. Полину нарядили в самую красивую пачку и сделали на голове шедевр в виде кички, обрамлённой цветами и сверкающими камушками. Но маленькая Поля продолжала упираться и хныкать. За всем этим наблюдала Глафира. Несмотря на то, что она была в юбочке вместо пачки и с тонюсенькой косичкой вместо шикарной кички, Глаша почувствовала настоящую взрослую ответственность за эту маленькую разодетую девочку,

которая сопротивлялась самому прекрасному занятию в жизни – танцам! Она подошла к Полине и, немного нахмурившись, взяла её за руку:

– Чего плачешь? Мы будем заниматься и станем очень красивыми.

– Я и так красивая! – Поля капризно выдернула свою руку.

Но Глашу это нисколько не смутило. Она уверенно подняла девочку с места и тоном, не терпящим возражений, громко прошептала: «Очень, очень красивыми!»

Они пошли в зал, оставив стоять удивлённо-умилённых родителей Полины.

Потом всё нарастало как снежный ком. Глаша взяла над Полей шефство, объявив, что теперь у неё есть младшая сестра, и она будет ей во всём помогать. Шли годы, девочки уже учились в начальной школе, а Глафира продолжала обрисовывать Поле перспективы будущей жизни, если та сможет хорошо учиться и усердно заниматься балетом. Они мечтали, что будут делать жизнь красивой и помогать людям стать красивыми. Случалось, конечно, что система давала сбой, и недремлющая лень Полины вступала в свои права.

Это был их первый серьёзный отчетный концерт, после которого все решили устроить совместное чаепитие детей, родителей и педагогов. Но, чтобы это было «достойно и переросло в добрую традицию», как выразилась их балетмейстер Ангелина Львовна, всем в классе дали задание подготовить на чаепитие творческие подарки, из которых потом будет создана арт-галерея балетной школы. Целый месяц вечерами после репетиций девочки что-то вышивали, строчили, красили, готовясь поразить своими творениями одноклассников и родителей. Полина на вопросы Глаши о поделке серьёзно кивала головой и говорила, что это будет большой сюрприз. Но сюрпризом оказалось то, что за пять минут до чаепития она отвела Глашу в сторону и сказала:

– Я ничего не сделала.

– Почему?! Ты же говорила, что...

– Я ничего не умею, – Полина приняла самое скорбное выражение лица, на которое только была способна, – я пробовала, но у меня ничего не получилось.

Ангелина Львовна, в нарядном красном костюме, уже приглашала всех занять свои места. Глафира смотрела на заполняющийся зал и понимала, что её подругу ждёт публичный позор.

– Я сшила двух балерин. Возьми их.

Глафира вытащила из бумажного пакетика две чудесные тряпичные куклы. Они были в пачках и пуантах. Их руки были переплетены так, как будто они танцуют танец маленьких лебедей. А по цвету их волос и глаз было легко узнать голубоглазую Полину и черноглазую Глафиру.

Полина смотрела на кукол с нескрываемым восхищением.

– Я не могу. Они такие красивые. А как же ты?

– Я ещё написала стихотворение, прочитаю его.

– Нет, так нечестно! Лучше давай я прочитаю твой стих, а ты подаришь кукол.

Глаша вытащила из кармана свёрнутый вчетверо тетрадный лист и протянула его Полине.

– Только ты заранее почитай, вдруг почерк не разберёшь.

– Разберу, он у тебя идеальный, – и Полина радостно обняла подругу.

Во время чаепития все по одному выходили со своими подарками и передавали их растроганной до слёз Ангелине Львовне. Куколок-балерин оказалось целых шесть. Их посадили на крышку рояля, и это было так красиво, что улыбки не сходили с лиц присутствующих. Но вот все подарки были подарены, и внимательная ко всему происходящему Ангелина Львовна обратилась к Полине.

– Поля, а ты что так скромно сидишь? Что ты приготовила?

Полина вышла на середину.

– Стихотворение.

Все одобрительно зашумели. Ангелина Львовна от переизбытка чувств опустилась на ближайшее кресло, а Полина неторопливо разворачивала аккуратно сложенный вчетверо листок. Она подняла глаза на зрителей и громко произнесла: «Мой танец».

Пока она читала, зал замер. И это замирание становилось всё слышнее и осязаемее. И вот Полина прочитала последнюю строчку и подняла глаза. На несколько секунд воцарилась полная тишина, которая сменилась громом нескончаемых аплодисментов. Директор школы наклонилась к Ангелине Львовне.

– Такая маленькая, а сколько в ней таланта, сколько души.

Она встала и подошла к Полине. Держась за её плечо, директор произнесла эмоциональную речь о том, что теперь это стихотворение будет оформлено в рамку и

вывешено в вестибюле, чтобы все могли осознать, зачем они пришли заниматься в балетную школу. А имя Полины теперь останется в их истории.

В конце чаепития, когда все свободно стали передвигаться по залу, Полина подошла к Глафире.

– Я не знала, что так получится. Кукол было много, а из-за этого твоего стиха все как с ума сошли. Получается, что я теперь врунья?

– Нет, не врунья. Я же тебе его сама дала.

– А если бы с тобой так случилось? Как бы ты поступила? – Полина выжидательно смотрела на Глафиру, стараясь найти себе оправдание.

– Наверное, сказала бы, что мы его вместе написали, – лицо Полины опять приняло скорбное выражение, но Глафира сразу же успокоила подругу. – Ты не врунья. Мы же вдвоём так решили. И я бы волновалась и никогда не прочитала его так хорошо, как ты.

Однажды Ангелина Львовна вошла в зал и объявила, что скоро приедет комиссия, чтобы отобрать номера для участия в фестивале. Она сказала, что времени осталось мало, и всем надо больше заниматься, потому что в международный лагерь, где будет проходить фестиваль, в их возрастную категорию попадает только один человек. Просмотр номеров от их группы был назначен на субботу с одиннадцати до двенадцати. Все возлагали огромные надежды на Глафиру, которая сразу взялась и за себя, и за Полину. После занятий она искала свободный зал и репетировала. А когда ей удавалось уговорить подругу, то сначала она занималась с ней, а уже потом и сама. За два дня до конкурса Глаша заболела, и Валентина Андреевна строго приказала дочери лечиться, разрешив только пойти в субботу на просмотр.

Но случилось так, что просмотр перенесли на вечер пятницы. И вот среди сборов, волнения и суеты Ангелина Львовна подошла к Полине.

– Поля, срочно позвони Глаше и скажи, что конкурс перенесли на сегодняшний вечер.

– Хорошо, сейчас позвоню.

Полина набирала номер своей лучшей подруги и вдруг почувствовала, что впервые в жизни ей захотелось чего-то самой – ей захотелось победы. За последние четыре года Глаша её так хорошо подготовила, что если саму Глафиру не увидят, то у неё есть все шансы стать первой.

Она набирала номер телефона, и её сердце бешено колотилось. Разве могла эта девочка знать, что к честности приходят разными путями, но самый тяжёлый и страшный путь – это осознание своего бесчестия.

– Привет, – голос Полины выдавал её волнение, – как здоровье?

– Поля, что-то случилось?

– Нет, просто устала, – Полина почти шептала. Её слабое сердце противилось тому, что она хотела сделать. Резкая боль пронзила глаза. Но язык, словно враг, молчал. Минутное желание быть первой парализовало всё, всю её волю.

– Обещай сегодня хорошо выспаться, чтобы завтра быть в форме, – Глаша искренне заволновалась за подругу.

– Хорошо, – Полина произнесла это как во сне. И повесила трубку.

Она танцевала отчаянно, словно это был её последний танец. Полину объявили победителем и поздравили с участием в международном фестивале. Среди радости и поздравлений только два человека не могли выдавить из себя улыбку – сама Поля и Ангелина Львовна.

«Вот теперь я врунья», – думала Полина, когда подходила к сидящей в опустевшем зале Ангелине Львовне.

– Ехать на конкурс должна Глаша, – она стояла позади своего балетмейстера, не решаясь смотреть ей в глаза.

– Глашу в глаза никто не видел. Иди домой и сама разбирайся со своей совестью, – Ангелина Львовна тяжело встала и, не поворачиваясь, вышла из зала, оставив в нём маленькую запутавшуюся девочку.

Полина больше не приходила в студию. За последние месяцы она очень изменилась: родители больше не видели капризной недотроги, избалованной девочки. Полина, к удивлению всех родных, стала много читать и начала заниматься вокалом. Глашу она видела один раз, случайно встретились на набережной. Глаша шла со своей мамой и, когда увидела Полю, не отводила от неё своих больших внимательных глаз. Поля не смогла. Она не выдержала, отвернулась, а потом, запершись в своей комнате, проплакала целый вечер.

Валентина Андреевна и Глаша сидели на колесе обозрения. Это был один из тех летних вечеров в Ижевске, когда летнее знойное солнце уходит за горизонт, уступая место прохладе

и преображая огненным золотом крыши домов и гладь пруда. Глаша смотрела на закат и впервые за эти два месяца смогла заговорить о случившемся.

– Мама, что же делать, когда считаешь другого человека своим самым лучшим другом, доверяешь ему во всём, помогаешь, а потом оказывается, что дружбы не было.

– Нет, доченька, дружба была. Случилась непростая ситуация, которая проверила вас обеих. Честность – это выдающееся качество, в основе которого стоит твёрдость характера. Полина очень сильно споткнулась на этом, но посмотри – кому сегодня хуже? Ты продолжаешь заниматься любимым делом, первая в студии, любимица Ангелины Львовны, а где Полина? Она глаза поднять не может. Знаешь ли ты, как она сейчас живёт, что делает, что думает?

Валентина Андреевна так много хотела сказать дочери, но каждое слово давалось ей с трудом. Нельзя, чтобы в их маленьких сердцах поселилось недоверие, нельзя, чтобы эта ситуация сломила их обеих. Но как объяснить этим девочкам, что в большой жизни самым тяжёлым будет невероятная работа над собой: оставаться честным так же непросто, как и уметь прощать.

Валентина Андреевна включила телефон, что-то немного поискала, нашла видеозапись и передала телефон в руки Глаши.

– Вот, посмотри. Я вчера случайно наткнулась.

На экране была Полина. Она стояла в студии перед микрофоном и говорила куда-то в сторону.

– Стихи к этой песне написала моя подруга. Самый лучший человек на свете, Глафира. А музыку я взяла у нашего всемирно известного земляка, её самого любимого композитора Петра Ильича Чайковского. Песня называется «Мой танец». Глаша, прости меня, пожалуйста!